

18+

ЛЮДМИЛА МИРОНОВА

Рука Всевышнего

ПОВЕСТЬ

Людмила Миронова

Рука Всевышнего. Повесть

«Издательские решения»

Миронова Л.

Рука Всевышнего. Повесть / Л. Миронова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931983-8

Книга повествует о судьбе поэта, прозаика, драматурга, издателя, журналиста, композитора и общественного деятеля Нестора Кукольника — очень известного в веке XIX-ом и совершенно забытого в веке XXI-ом. «Памятник» которому воздвигли двое его лучших друзей: композитор Михаил Глинка, сочинивший музыку на его стихи «Жаворонок», «Сомнение», «Попутная песня» и др., и художник Карл Брюллов, написавший «Портрет писателя Н. В. Кукольника», который сегодня можно увидеть в Третьяковской галерее в Москве.

ISBN 978-5-44-931983-8

© Миронова Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая	7
Часть вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рука Всевышнего Повесть

Людмила Миронова

© Людмила Миронова, 2025

ISBN 978-5-4493-1983-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Впервые я обратила на него внимание, когда мне было пятнадцать лет. Или справедливее сказать это он обратил внимание на меня. Пройдясь по залу Брюллова, я уже направилась к выходу, как вдруг почувствовала, что на меня пристально смотрят... с холста. Я повернула голову и увидела человека в темном наглухо застегнутом пальто, с тростью и цилиндром в скрещенных руках. Он разглядывал меня с любопытством, лукаво улыбаясь, словно зная какую-то тайну. Тогда я не поверила себе. Прошло без малого пять лет. Я снова оказалась в Третьяковской галерее и решила отыскать тот удивительный портрет. Но он опередил меня. Будучи еще в смежном зале я вдруг ощутила на себе пристальный взгляд, а обернувшись, увидела его, человека сидящего напротив полублупившейся стены с кусочком неба в левом углу. Как будто все это время он ждал меня. Ждал, чтобы рассказать свою историю... всеми забытую историю своей жизни. В следующий мой приход я уже знала, что буду писать о нем: поэте, прозаике, драматурге, издателе, журналисте, композиторе и общественном деятеле Несторе Васильевиче Кукольнике.

Часть первая

Ян Каневский «Портрет поэта Нестора Кукольника» 1833г.

*«Счастливыи уголок»
Кипела там студенческая жэженка,
И пил ее не раз
И Кукольник, и Гоголь, и Гребенка,
И многогрешный аз.
Живи мой городок и будь покоен
В родной тиши своей.*

*Л. Глибов, поэт-баснописец,
выпускник Нежинской гимназии*

Это случилось 6 февраля 1822 года. В душном кабинете Нежинской Гимназии Высших Наук им. Князя Безбородко было двое. Первый, Василий Григорьевич Кукольник, директор учебного заведения, нервно широкими шагами ходил по кабинету. Второй зло следил за каждым его движением. Беседа велась на повышенных тонах:

– Поощряя вольнодумство и читая на своих лекциях запрещенную литературу, вы тем самым порочите гимназию и славное имя ее основателя. Поверьте мне, Василий Григорьевич, я искренне уважаю вас как ученого и педагога, но происходящее вынуждает меня принять решительные меры.

Говорящий был Михаил Васильевич Билевич, профессор политических наук, коренастый молодой человек лет 30—35. Влиятельный педагог, но вспыльчивый и мнительный. Он презирал всю эту «интеллигентскую ересь», как он выражался, об отмене крепостного права,

о народном образовании и подобно безжалостному инквизитору готов был искоренять ее любыми способами. Когда Билевич нервничал, то лицо его заливалось краской. Вот и теперь оно было пунцовым.

– Я не обязан перед вами отчитываться. Я был назначен директором гимназии родственниками покойного князя, о чем славном имени вы так печетесь, и мне была предоставлена полная свобода действий.

– Нет, здесь речь идет уже не о свободе. Здесь самоуправство! Бунт!

– Ну что вы на меня так смотрите, как будто проглотить хотите. Думаете, я испугаюсь. Испугаюсь, что вы напишите рапорт, донос в полицию или, уж чего там, сразу шефу жандармов. Я не боюсь вас, г-н Билевич, и заявляю прямо в лицо. Да, я учу гимназистов мыслить свободно и открыто, – судорога пробежала по лицу Кукольника. Он схватился за галстук и слегка ослабил его.

– Вы понимаете, то, что вы сейчас говорите, это заговор. Заговор против самодержавия, против Царя!

– Я понимаю, что этого требует время. В России, которую мы имеем сейчас, сегодня, нельзя жить одним днем, мы должны трезво смотреть в будущее. Крестьянские волнения уже вспыхивают в разных уголках страны. Рано или поздно крепостное право будет отменено. Но прежде чем снять оковы рабства, мы должны просветить народ, воспитать его, а для этого нам нужна умная, образованная, передовая интеллигенция способная не только отличить красную икру от черной, но и семена от плевел на блага отечества. Тогда у нас будет сильный и могучий народ. В противном случае свобода превратит крестьянина в голодного дикаря, в зверя, знавшего только унижение, насилие и издевательства. Он восстанет и кровавой волной обрушится на страну, уничтожая и помещиков, и интеллигенцию, и Царя!

– Иноземцы и иноверцы, подобные вам, уничтожают Российскую Империю, а не помещики, не крепостное право, – произнес Билевич, к которому постепенно возвращалось самообладание.

– Нет, Михаил Васильевич, я более русский, чем вы, хотя и русин по происхождению. Вы не видите дальше своего носа. И самое страшное, что таких, как вы, миллионы. Подобные вам думают: «Пусть мы отстаем от Европы на десятки лет, пусть мы сосем кровь из народа, но нам же хорошо. Мы ходим в золоте, ездим в дорогих каретах, пьем и едим досыта и знать ничего не хотим». Но это барство на крови! Неужели вы сами не чувствуете, что грядет буря, и нам нужна умная талантливая, а главное свободно мыслящая молодежь, чтобы сохранить Россию, чтобы потом Европа подобно Римской империи не смотрела на нас, как на отсталых варваров, примитивной сохой обрабатывающих свои поля.

– То же самое вы проповедовали в Петербургском университете!? Поэтому вас не выбрали ректором, а, так сказать, «сослали» сюда? – Билевич был спокоен, теперь ему хотелось уколоть своего соперника побольнее.

– Это не ваше дело.

– А вы и обрадовались. Думаете: здесь в провинции вы начнете свой бунт, отравите молодые незрелые умы своей «интеллигентской ересью», а там уже вас не остановить!?

– Прекратите!

– Мы с вами взрослые люди, Василий Григорьевич. Я бесконечно уважаю вас. Более того, я преклоняюсь перед вашим талантом педагога и руководителя, но единомышленников вам надо искать не здесь, а в Сибири.

Кукольник ничего не ответил. Он был бледен и еще сильнее ослабил галстук.

– Завтра же я доложу о нашем разговоре руководству Харьковского учебного округа. Я думаю, они сделают правильные выводы, – Билевич развернулся и направился к выходу. Ступив за порог, он вдруг остановился:

– Ах да, Василий Григорьевич, у вас часы на столике.

– Что? – рассеянно произнес Кукольник, видимо, не понимая, о чем идет речь.

– Они стоят, – и захлопнул дверь.

Василий Григорьевич был похож на мертвеца. Он схватился за грудь и стал судорожно расстегивать ворот рубашки.

– Душно, как душно, – Кукольник бросился к окну, ударил, что было сил, и оно распахнулось.

– Нет воздуха, – он жадно глотал холодный ветер, дувший в лицо, и все сильнее и сильнее высовывался в окно. Голова у него закружилась. В какую-то секунду он не удержался и...

Невозмутимые и упрямые, с неба полетели белые хлопья февральского снега.

Смерть Василия Григорьевича Кукольника стала настоящим потрясением для всей его семьи: жены, маленькой дочери и трех сыновей, старший из которых на тот момент состоял на службе в одном из Петербургских ведомств. Средний сын, Платон, был учителем низших классов в Нежинской гимназии и на этом поприще много помог отцу в первые годы после ее открытия. А младший, Нестор, о котором и пойдет речь далее, был еще двенадцатилетним мальчиком, талантливым и подающим надежды учеником все той же гимназии. Полиция расследовать смерть Кукольника не стала, случившееся расценили, как самоубийство, и дело было закрыто. Вдова Василия Григорьевича, Софья Николаевна, упорно винила в гибели мужа профессоров гимназии, вызывая тем самым множество ненужных толков и споров. В конце концов, руководство учебного округа не придумало ничего лучше, чем выселить Кукольников из Нежина. Вместе с детьми она перебралась в подаренное императором ее мужу имение недалеко от города Вильно, где через полгода, не пережив горечь утраты, скончалась. Тогда заботу о Несторе взял на себя старший из братьев двадцативосьмилетний Павел, он то и решил отвезти мальчика обратно в Нежин для окончания курса. Тем более что на тот момент должность директора гимназии уже год занимал верный друг их отца Иван Семенович Орлай. Он, известный врач, педагог и литератор, за довольно короткий срок сумел сделать то, что не удалось покойному Кукольнику. А именно собрать вокруг себя умных, амбициозных профессоров, ставших в последствии настоящими кумирами молодежи. Он умел ладить с людьми, найти подходящие слова, но при этом оставаться строгим. Умел, что называется, держать дистанцию. Будучи уже не молодым он сохранил свежесть ума и бодрость духа. Орлай радушно принял братьев и сразу же окунулся в воспоминания:

– Да, я был поклонником вашего семейного театра. Помню, как однажды вы разыгрывали трагедию *a la Rasine*, кажется, вышедшую из-под вашего пера, Павел Васильевич.

– Точно так.

– А ты, Нестор, играл смешного мальчика.

– Маленького сына Эмерика.

– Начался последний акт, поднялся занавес, и перед нами открылись виды родных Карпат. Старые карпатороссы, несмотря на преклонные лета, вскочили со своих мест и закричали: «Буда! Буда!». Восторг был необычайный.

– Это Александр добыл где-то виды селений Оффена и Буды, чтобы порадовать отца, – проговорив это, Павел Васильевич нахмурился.

– Александр Васильевич, ваш брат, он сейчас в Петербурге?

– Он умер.

– Простите, я не знал.

– Побился друзьям об заклад, что съест сто польских мясных пельменей вместо закуски перед обедом и съел таки, а к вечеру у него развилось сильнейшее воспаление кишок. Врачи оказались бессильны.

Они замолчали.

– Значит, Павел Васильевич, вы дело отца решили продолжить – вдруг прервал тишину Орлай, – Так может, останетесь. Нам в гимназии хорошие преподаватели ой как нужны.

– К сожалению, не могу, на днях я принял приглашение от Виленского университета. Иван Семенович, я очень благодарен вам за то, что вы согласились принять Нестора обратно в гимназию. Здесь ему будет лучше. Он кончит курс, да и вы...

– Понимаю, понимаю, – перебил Орлай и положил руку Нестору на плечо, – Приму, как родного сына. Будьте совершенно покойны. Воспитаем, обучим, разовьем таланты и прочие и прочие.

В это момент в кабинет постучался секретарь и доложил о приезде какого-то высокопоставленного господина. Орлай поспешил проститься с братьями и, когда дверь за ними захлопнулась, произнес:

– «Чтобы воспитать человека, его надо любить», – он задумался, – Хотя хорошая порка иногда тоже не повредит.

Нежинская гимназия приравнивалась по своему статусу к университету, занятия здесь продолжались с восьми до шестнадцати часов с перерывами на подготовку домашних заданий. Образование было очень разносторонним. Преподавались Закон Божий и древние языки, русский, немецкий и французский, философия и естественная история, финансовая наука и римское право. Вот лишь неполный список предметов, над которыми корпели будущие сыны отечества. Гордостью гимназии была богатая библиотека, в которой на тот момент было более трех тысяч томов. В выходные гимназистов отпускали в город, где большой популярностью пользовались ярмарки, пестревшие всякой всячиной, а в остальные дни они гуляли по парку и живописным берегам реки Остер.

Единственное, что омрачало жизнь гимназистов – строгая дисциплина. Пороть не любили, но пороли. За гимназистами неусыпно следили инспектора и надзиратели, писавшие бесчисленные рапорты и доносы, но дух вольнодумства, благодаря грамотной политике Орлая, все равно просачивался сквозь стены гимназии.

Начались занятия. Жизнь гимназистов потянулась медленно и уныло. Несмотря на пропущенный год, Нестор был переведен сразу в четвертый класс. Способный, начитанный, недурно владеющий четырьмя языками, он быстро завоевал лидерство. Многие мальчишки завидовали ему, учителя хвалили.

На последнем уроке Константин Александрович Моисеев читал историю. Гимназисты больше всего не любили этого «казачка», как они его между собой называли. Средних лет, полноватый, невысокий, казалось, его больше всего интересовали наряды, а не наука. Наверное, так оно и было. Каждый день он являлся в гимназию в голубых панталонах и голубом сюртуке, поверх которого был щегольски повязан голубой шарф. Даже гимназистов он порывался переодеть в голубой демикотон. Его уроки слыли нуднейшими из нуднейших и каждый раз превращались в настоящее испытание.

– Александр Македонский, предчувствуя скорую кончину, пожелал проститься со своей армией, – монотонно протянул он, – Это был трогательнейший момент, ибо трогательность и чувствительность всегда аккомпанируют подобным моментам. Ему помогли подняться с роскошного ложа, на коем он вот уже как десять дней возлежал, укрытый шелковым покрывалом с причудливым узором и вывели на балкон. Это был широкий, каменный, белый балкон, усыпанный редкими разноцветными цветами, испускающими дивный аромат, коей тонкой струей проникал в ноздри. Толпы солдат, облаченных в сияющие на солнце, кое озаряло их в этот ясный день, доспехи, приклонили свои колена. Они гордо и мужественно собрались внимать речи человека, который провел их почти через всю Малую Азию, населенную многочислен-

ными народами, кои они покорили все с тем же мужеством, с коим сейчас собрались внимать последней речи полководца, который все еще, – тут он закашлялся.

– Да. Может, кто-нибудь знает, в каком-году это было? – Константин Александрович нахмурил брови и окинул взглядом учеников.

Нестор поднял руку:

– Александр Македонский умер от малярии 13 июня 323 года до нашей эры в своем вавилонском дворце. Ему было 33 года.

– Похвально, г-н Кукольник. Садитесь.

– Так вот. На чем я остановился? Ах, да, – Моисеев опять сложил руки за спиной и зашагал по классу, – Его доблестная армия, без которой Македонский не совершил бы то, – последовала пауза, – что он совершил. Дабы это не удавалось еще никому в древней истории, о чем свидетельствуют выдающиеся древние историки, кои высочайшим слогом поведали нам об Алексан... – вдруг взгляд Константина Александровича остановился на мальчике, который, сидя за последней партой, что-то увлеченно рисовал. Моисеев прервал рассказ и спросил:

– Господин Гоголь-Яновский, а по смерти Александра Македонского что последовало?

Не долго думая, Гоголь-Яновский воскликнул:

– Похороны!

Раздался оглушительный смех. Моисеев невозмутимо дождался пока в классе вновь воцарится тишина и произнес:

– Я сейчас же напишу рапорт, чтобы вас выпороли, как следует. Надеюсь, это обуздает ваше остроумие. Если в классе есть еще любители демонстрировать свое исключительное чувство юмора, они тоже могут присоединиться к своему товарищу.

Все притихли, даже мухи. Но если бы самой смелой из них все-таки вздумалось пролететь, ее жужжание послышалось бы очень отчетливо.

После уроков играли в городки. Мальчишки разделились на две команды по пять человек. Веселых и задорных, их переполняла энергия, накопившаяся за долгие часы сидения в классах.

– Не попадешь! Не попадешь! – кричал коренастый мальчуган своему противнику, бегая вокруг «города». Кажется, он и секунды не мог устоять на одном месте. Это был Саша Данилевский. После смерти отца, его мать вторично вышла замуж, и теперь за образованием мальчика следил отчим, который ждал от него только положительных оценок. Саша старался, но учеба ему явно не удавалась.

– Промажешь! Промажешь! – не унимался он.

– Да угомонись ты, не мешай, – вступился кучерявый рыжеволосый парнишка.

– Пусть себе надрывается, не промажу, – сказал Нестор. Это была его очередь выбивать с кона. Сосредоточившись, он замахнулся и бросил битую. Почти все городки выкатились за пределы линии.

– Я же сказал, не промажу.

– Эй, смотрите! – крикнул кто-то. Все обернулись и уставились на приближающегося к ним невысокого, сутулого мальчика.

– Ну что, таинственный Карло, живой?! – спросили ребята почти хором.

– А что не видно? – ответил Коля Гоголь-Яновский.

– Надрывался-то как, нам отсюда было слышно, – воскликнул кучерявый.

– Мы уж подумали, что ты с ума сошел, – подхватил Нестор.

– Много думать вредно.

– Кто бы говорил.

– Возьмите меня в игру.

– Нет. Иди, иди отсюда, – завопил кучерявый.

– Ладно, чего ты. Дай ему ударить. Попадет, вместо меня играть будет, – предложил Нестор

– Пусть, пусть ударит, – вступился Данилевский.

– Согласен?! – спросил Нестор.

– Согласен, – Коля взял битую. Ему предстояло кидать с полукона, то есть не с 13 метров, а вполовину меньше. Играл он и правда плохо, его почти никогда не принимали, вот и сейчас он заметно нервничал. Он замахнулся и бросил. Бита пролетела мимо. Ребята засмеялись. Гоголь-Яновский нахмурился и отвернулся, как всегда, когда над ним начинали подшучивать или смеяться.

– Мазила, – съехидничал Нестор и показал язык.

– Ну ладно, – вступился Саша.

– Пигалица!

– Прекрати ты, я сказал, – воскликнул Данилевский и толкнул Нестора в грудь.

– Эй, ты чего!

Данилевский и Кукольник уже хотели накинуться друг на друга, но вдруг послышался голос Орлая.

– Что там у вас за шум, уж не драка ли? – строго произнес он, выглядывая из окна своего кабинета на третьем этаже.

– Нет, Иван Семенович. Вам показалось. Это мы так играем, – переглядываясь, «защелкали» ребята.

Дальше игра не заладилась, и было решено закончить завтра. Опустевшая гимназия постепенно вновь наполнилась голосами и ожила.

Незаметно минула осень с ее причудливым буйством желто-красных оттенков, сыростью, дождями, прелестью мимолетных теплых деньков и ароматом увядающей зелени.

После зимних каникул гимназистов ждало долгожданное событие. Любительский театр, еще одна заслуга Орлая, взялся ставить «Недоросль» Дениса Ивановича Фонвизина. Вообще, все спектакли гимназии имели громадный успех, зрители рукоплескали юным актерам, и, прежде всего, Коле Гоголю, обладавшему удивительным талантом комика. Ребята, занятые в постановке, собрались в светлом просторном зале. Ими руководил молоденький учитель, судя по царившей суете, не пользовавшийся большим авторитетом. Вскоре следить за порядком пришел инспектор, тот самый историк Константин Александрович Моисеев.

Отличник Кукольник недурно исполнял роль Митрофанушки, а Правдина играл Коля Прокопович, вечно румяный мальчишка, которого в шутку прозвали «красеньким».

– Тихо, тихо, – скомандовал учитель, – давайте еще раз с того момента, когда Правдин экзаменует Митрофанушку. «Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил».

– «Всем наукам, батюшка», – уверенно проговорил Гоголь-Яновский, разодетый госпожой Простаковой.

– «Чего ж бы, например?» – с важным видом спросил Прокопович.

– «Вот грамматике», – ответил Нестор и подал ему книгу.

– «Вижу. Это грамматика. Что ж вы знаете?»

– «Много», – Кукольник сложил руки на груди и гордо поднял голову, – «Существительна да прилагательна...».

Мальчишки захихикали.

– «Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?»

– «Дверь? Котора дверь?»

– «Котора дверь! Вот эта».

– «Эта прилагательна», – он равнодушно махнул рукой и, когда ребята снова начали давиться от смеха, с подозрением покосился на Гоголя-Яновского и увидел, что тот комично копирует каждое его движение.

– «Почему же?»

– «Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена...», – вдруг Нестор не выдержал и с кулаками накинулся на своего насмешника. Завязалась драка. Мальчишек быстро разняли, но участь их была предрешена. Пороли обоих.

Через несколько месяцев с разрешения Орлая гимназисты создали рукописные журналы «Звезда» и «Метеор литературы». Это занятие отодвинуло на второй план все другие забавы. Теперь после уроков они уже не бежали гулять или играть в городки, а собирались для чтения и обсуждения своих произведений и произведений новейших авторов. Молодые умы занимали и баллады Жуковского, и стихи Пушкина, и комедии Загоскина. Русская литература обретала иной облик, отличный от сентиментального Карамзина и возвышенного Ломоносова, она все более и более наполнялась духом свободы. Таким пленительным и таким долгожданным...

Сформировался самый настоящий литературный кружок, который на первых порах поощрял математик по призванию, но литератор в душе Казимир Варфоломеевич Шапалинский. Гимназисты полюбили его не только за ум и передовые идеи, но и за честность, открытость, трезвость суждений.

– Значит, вы думаете, что Пушкин великий поэт, которому суждено прославить нашу русскую литературу? – спросил «красенький» Прокопович.

– Я более чем уверен, что вслед за Александром Сергеевичем в нашей литературе будут появляться все новые и новые талантливые писатели.

– По-моему это преувеличение. А что же Грибоедов, Жуковский? – спросил Кукольник.

– Я ни в коей мере не умаляю их таланта и вклада в литературу. В России много великих писателей, оцененных и нет. Но здесь другое. Наверное, вы еще слишком юны, чтобы почувствовать ту бесконечную красоту и изящество, которые кроются в непринужденности слога и простоте стиха. Вот, например, недавно вышедшая первая глава «Евгения Онегина», – он зачитал отрывок по памяти, – Это же полет. Это вдохновение в его неприкрытой, не завуалированной форме. Вдохновение доступное не только поэту, но и читателю.

– Поэзия не должна умиляться до простоты, тогда она перестанет быть поэзией, – отрезал Нестор.

– А если она слишком возвысится, то простому читателю до нее будет не дотянуться. А писать для самого себя – это или бездарность или эгоизм, – произнес Гоголь-Яновский, до этого долго молчавший.

– Может быть, прочтете что-нибудь из своего, – обратился Казимир Варфоломеевич к собравшимся.

– Пусть таинственный Карло прочтет. Мы вчера уже разнесли в пух и прах его сатиру «Нечто о Нежине или дуракам закон не писан», – съехидничал Кукольник.

– Как и твоего Торквато Тассо, – вступился Данилевский. Он был лучшим другом Гоголя и всегда защищал его.

– Сатиру!? Позвольте взглянуть, – обратился Шапалинский.

– Нет, – Гоголь-Яновский нахмурился и отвернулся, – Я ее сжег.

– Это несерьезно.

– Конечно. Стишки-то чего жечь, раз плюнуть. А вот целый роман смог бы в огонь бросить? – пошутил Нестор.

– Если надо и роман сожгу, – серьезность Гоголя всех рассмешила.

– Казимир Варфоломеевич, все поэты и писатели, объединяясь в литературные кружки, давали им названия, а как будет называться наш? – вмешался Прокопович.

- Литературный кружок Шапалинского. – воскликнул кто-то.
- Нет, это слишком просто, – задумался Нестор, – Надо что-то вроде Рыцари Братства Шапалинского.
- А сокращенно РБШ! – торжественно произнес Гоголь-Яновский.

В мае 1825 года в гимназии появился двадцатилетний профессор естественного права Николай Григорьевич Белоусов. Он был героем нового времени, воплощением сразу всех идеалов молодежи. Свободолюбивый, уверенный в себе, дерзкий, он произносил в слух то, о чем многие молчали. Его лекций ждали с нетерпением, за ним записывали каждое слово и заучивали наизусть; что не оставалось без внимания и некоторых профессоров – противников «интеллигентской ереси», уже замышлявших свой собственный бунт.

– Человек имеет право на свое лицо, то есть он имеет право быть так, как природа образовала его душу. Естественное право должно стоять над тем, которое создается государством. Все врожденные права находятся для всех людей в безусловном равенстве. Это право на жизнь, свободу, равенство, справедливость. Ты свободен делать все то, что не вредно другому. Это твое право. Вы скажите, что чувство справедливости у всех людей разное. Я соглашусь. Но я не отрицаю законов, которые в подобных случаях должны разрешать конфликт. Только здесь мы получаем сословное неравенство и классовые привилегии. Нельзя судить дворянина по одним законам, а простого мужика по другим – это противоестественно, – так проповедовал Белоусов, но в стенах гимназии его проповедь звучала слишком громко, поэтому в выходные дни собирались на квартире Николая Григорьевича, где, не боясь, читали в оригинале Канта, Руссо, Локка, рассуждали и спорили. Настало счастливейшее время для гимназистов. Это была та самая свобода, которую они вкушали с таким упоением, с которым можно вкушать только запретный плод, внезапно очутившийся в твоей руке.

Все это время Нежин жил какой-то своей жизнью, словно под невидимым колпаком, ограждающим его от бурь, на пороге которых стояла в тот год столица, а с ней и вся Россия. Даже весть о внезапной кончине Александра I дошла сюда не сразу, а спустя две недели. Больше всех она потрясла Ивана Семеновича Орлая, который, несмотря на свой сильный характер, не скрывал слез. Для него вслед за государем безвозвратно ушла целая эпоха. Хорошая или плохая, но это была его эпоха. Не успели прийти в себя, как снова грянул гром: на Сенатской площади в Петербурге войска отказались присягать новому императору, и он обстрелял их пушками. Жертв более тысячи, среди них много женщин и детей. Каждый день арестовывали преступников, а Царь лично руководил следствием и присутствовал на допросах. Невероятные новости приходили и из Белой Церкви, что недалеко от Нежина – восстал Черниговский полк, было сражение, арестован подполковник полка Сергей Муравьев-Апостол. Предсказывали революцию, начало войны и даже конец света... но только не в Нежине. Казалось, ничто на свете не могло нарушить той размеренной и спокойной жизни, которая текла здесь. Но это только казалось.

Жизнь гимназистов была ключом. Их разум переполняли все новые и новые идеи, планы, мечты, чаянья, а сердца трепетали от чего-то необъяснимого, ранее неиспытанного и бесконечно нежного – от первой любви. На реку Остер, на берегу которой и стояла гимназия, приходили девушки стирать белье. Эти простоволосые Дуняши и Глаши становились первыми музами юных поэтов. Знакомились, назначали свидания, гуляли, а Кант и Руссо заброшенные пылились на полках.

Ждали Петра Ивановича Никольского, преподавателя русской словесности. Нестор Кукольник что-то увлеченно рассказывал, мальчишки столпились вокруг него и заворуженно слушали:

– Ну, так вот. Заходим мы в глубь парка. Ни души, только птички поют. Остановились и стоим друг напротив друга. Она увидела, что я с нее глаз не спускаю, раскраснелась вся и реснички опустила.

– Да врет он все. Говорю же, сам видел, как она ему еще у ворот пощечину залепила и убежала, – вмешался Коля Гоголь-Яновский.

– Угомонись ты, – завопил кто-то.

– Не слушайте, просто он от зависти пухнет, – торжествовал Нестор.

– А дальше-то, дальше-то что было?!

– Ну, я не растерялся и поцеловал ее. А губки у нее такие алые, такие пухленькие.

– Так, так, – вдруг раздался строгий голос Никольского, – очень интересно узнать, как проводят свободное время будущие сыны отечества.

Мальчишки разбежались по своим местам.

– Я-то думал, господин Кукольник, что днем и ночью вы размышляете о том, как будете приносить пользу России и Царю-батюшке, а оказалось, ваши мысли занимает совсем не это и даже не русская словесность, – Петр Иванович стал доставать бумаги из портфеля и один листок вылетел у него из рук и упал на пол.

– Вот, кстати, стихотворение, – сказал он, поднимая листок, – которое вы сочинили и вчера изволили просить моего мнения. «Сижу за решеткой в темнице сырой. Вскормленный в неволе орел молодой»... и т. д. и т. п. Хочу заметить, мой юный друг, что оно не соответствует правилам слога. Поэзия, если кто не знает, – тончайшее искусство, требующее особенного чутья и изысканного вкуса. Это вам не метелкой махать, здесь нужен талант. А как пишете вы, голубчик, так писать нельзя.

В классе раздался оглушительный хохот.

– Петр Иванович. Это стихотворение сочинил не я, а Пушкин, – еле сдерживая смех, произнес Нестор.

Никольский покраснел, но быстро взял себя в руки.

– Пушкин – обыкновенный молодой человек. А что интересует нынешних молодых людей? То же самое, что и вас. Имел честь послушать. Другое дело Ломоносов, Сумароков – вот это я понимаю, великие мужи словесности. Не сочинители, а громовержцы, глаголом сотрясающие землю. Гении! Увы, нет сейчас талантов подобных им. Чахнет, гибнет наша великая русская литература от вольнодумства и пошлости.

Никольский был соратником Билевича, еще одним противником «интеллигентской ереси». Вообще гимназия в этот год активно делилась на два враждующих лагеря. Гимназисты, конечно, были на стороне людей нового поколения, таких как Шапалинский и Белоусов. Расхожест мнений и взглядов на жизнь, русскую действительность, литературу, преподавание и многое другое становилась все более и более явной. Это были уже не трения, а настоящая война, разразиться которой помог случай.

Летом по окончании учебного года Билевич принимал у гимназистов экзамен по политической науке, на котором присутствовало несколько профессоров, в том числе и Николай Григорьевич Белоусов, недавно вступивший в должность инспектора.

– Сословное неравенство есть неотъемлемая черта общественного устройства. Любое цивилизованное общество должно делиться на высшие слои, так называемую «элиту» и низшие, то есть на образованных и богатых и тех, кто ничего не имея, обязан на них трудиться.

Вольтер сказал: «Если народ начнет рассуждать, все погребло», – отвечал один из учеников среднего класса.

– Свобода и равенство всех перед законом вот признак цивилизованного общества, а уж никак не рабство, – перебил Николай Григорьевич.

Профессора переглянулись между собой.

– Но нам так Михаил Васильевич говорил на лекциях, – растерялся мальчик.

– Да что вы себе позволяете?! – воскликнул Билевич, краснея.

– Я позволяю себе только то, что входит в обязанности инспектора гимназии и ничего более. Продолжайте.

– Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете в своих делах ответа давать не должен.

– Забудьте это, юноша, и заучите другое: Никто в государстве не должен самовластно управляться.

Послышались перешептывания.

– Остановите экзамен или я вынужден буду покинуть класс, – грубо, еле сдерживаясь, произнес Михаил Васильевич и вскочил с места.

– Действительно разумнее будет остановить экзамен, так как я вижу, что ни ученики, ни профессор ничего не знают.

– Нет, это уже слишком! Я жду вас у себя в кабинете, Николай Григорьевич. Немедленно, – процедил сквозь зубы Билевич, и, краснея все больше и больше, вышел из класса.

Волею судеб месяцем ранее Ивана Семеновича Орлая по службе вызвали в Москву, и обязанности директора гимназии были временно возложены на Билевича, который, оказавшись у власти, не упускал момента, чтобы расправиться со своими оппонентами, прежде всего Белоусовым.

Николай Григорьевич вошел в кабинет. Он был, как всегда, невозмутим и хладнокровен.

– Что вы себе позволяете, уважаемый инспектор? – Билевич хотел казаться спокойным, но явно проигрывал Белоусову.

– Когда ученик отвечает неправильно, мой долг его поправить, если другие не в состоянии это сделать.

– Но ученик отвечал по моим лекциям. И отвечал все верно.

– Может быть, это верно для первобытнообщинного строя, а мы живем в девятнадцатом веке.

– Ваша дерзость переходит все границы.

– Как и ваше упорство, с которым вы не хотите принимать новую Россию. Свободную от предрассудков.

– Я не собираюсь спорить с вами о политике, молодой человек, – Белоусов был на двадцать лет моложе Билевича, – Я хотел бы узнать, по какому учебнику вы преподаете. Я вижу, что это совсем не система господина Де Мартини, а что-то вольное из учений Канта и Локка. Прошу вас предоставить мне ваши конспекты для дальнейшего разбирательства.

– Я не могу этого сделать.

– Это приказ.

– К несчастью для вас, я слишком хорошо знаю свой предмет, и все мои конспекты держу в голове.

Наступила продолжительная пауза. В воздухе зависло такое напряжение, казалось, мелькни искра, и погромел бы взрыв.

– Я сниму ее с ваших плеч, можете не сомневаться.

– На этом все? Я могу идти?

– Вон, – еле слышно произнес Михаил Васильевич.

Белоусов вышел.

– Я уничтожу тебя, вшивый либералишка. Молоко на губах еще не обсохло, а сколько наглости. Ни с тем тягаться вздумал, щенок, – прошептал Билевич и с ненавистью смял лист бумаги, оказавшийся под рукой.

Невидимый колпак, под которым все это время находился Нежин, дал трещину. Один за другим в конференцию посыпались рапорты, в которых Михаил Васильевич обвинял Белоусова в вольнодумстве. Не дать делу широкую огласку помогли обстоятельства. Осенью Орлай был переведен в Одессу, а пока на его место искали достойную кандидатуру, исполняющим обязанности директора, неожиданно для Билевича, рассчитывавшего задержаться у власти, был назначен профессор Шапалинский.

Прозвенел звонок. По оживленному коридору Нежинской гимназии решительно широкими шагами шел высокий, худощавый мужчина. Лицо его было сосредоточено и выражало некоторую озабоченность. Он явно спешил. Внезапно дверь класса отворилась и задела его.

– Простите, господин Зельднер, я вас ударил – воскликнул Билевич.

– Бывает, бывает.

– А мне как раз нужно с вами поговорить.

– Нет времени, Михаил Васильевич. Совсем нет времени, – Зельднер хотел идти, но Билевич придержал его за рукав.

– У вас всегда его нет. Мне бы...

– Михаил Васильевич, голубчик, спешу, – перебил Зельднер, высвобождая руку – Я сейчас со срочным докладом к г-ну Белоусову, а потом сразу к вам, даю честное слово, – на ходу проговорил он. Билевич с подозрением нахмурился.

Егор Иванович Зельднер не первый год занимал должность надзирателя гимназии. Это был человек заурядный до крайности, напрочь лишенный каких-либо талантов. Обычно такие люди не осознают своей обделённости, но Зельднер осознавал. И это рождало в нем болезненный эгоизм, наверное, как и все в его жизни, тоже доходивший до крайности. О том, что профессора поделились на два противоборствующих лагеря, он хорошо знал, но был ни за тех, ни за других, а что называется сам за себя.

Зельднер нашел Белоусова одного в библиотеке, просматривающим какую-то книгу.

– Николай Григорьевич, у меня к вам дело, – громко произнес он.

– Слушаю вас, господин Зельднер. Что-то случилось?

– Сегодня утром мною был проведен обыск в комнатах пансионеров, и у некоторых из них я обнаружил книги и бумаги несообразные с целью нравственного воспитания.

– Говорите тише, – Белоусов отвел Зельднера в сторону и оглянулся, не подозревая, что в этот момент за дверью притаился верный противник «интеллигентской ереси», – Что вы имеете в виду?

– «Кавказский пленник» Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова, Рылеев, журналы «Московский телеграф».

– Вы говорили об этом еще кому-нибудь?

– Нет. Согласно уставу, первым делом я обязан доложить инспектору гимназии, то есть вам.

– Хорошо, – Николай Григорьевич задумался, – Изымите литературу и передайте ее мне. Рапортом я сообщу об инциденте г-ну Шапалинскому. Только прошу вас, постарайтесь сделать так, чтобы это осталось между нами троими.

– Но...

– Я надеюсь, вы понимаете, – перебил Белоусов, – что после событий на Сенатской площади, лучше держать язык за зубами. В случае если дело получит широкую огласку, искать

правых и виноватых никто не станет. Пострадает вся гимназия. Вы ведь не хотите лишиться своего места и добрый десяток лет провести в Сибири.

- Я изыму бумаги и передам вам, – голос г-на Зельднера дрогнул.
- Так будет лучше для всех.

Билевич сразу же доложил рапортом в конференцию. Белоусова попросили выдать изъятые книги и бумаги, но он отказался. Отказ грозил серьезными обвинениями в покровительстве безнравственного поведения учеников. Кроме того, под подозрение попал Казимир Шапалинский. Дело набирало ход.

Пришла зима. Под ногами захрустел снег, своим аппетитным хрустом напоминая о солнечном лете, о румяных яблоках, которые на Нежинских базарах рассыпаются пестрым ковром, наполняя все вокруг удивительным сладким ароматом. Деревья укутались в белые шубы, река Остер покрылась льдом. Теперь сюда спешили ребягня и взрослые кататься на коньках. Шумели и веселились от души, как это умеет и любит русский народ. Дни чаще всего выпадали морозные и тихие, а по ночам беспокойно выли метели.

Нестор Кукольник стоял за конторкой в своей тускло освещенной комнатке и сочинял:

«Как оглянусь, мне кажется, я прожил
Какую-то большую эпопею,
Трагедию, и вот развязка...»

- Нет, не то, – он все перечеркнул и отошел к окну, – трагедию, и вот...

Вдруг раздался стук в дверь. Нестор быстро собрал листки со стола и сунул их в ящик.

- Войдите, – сказал он.

Дверь отворилась, и вошел невысокий полноватый юноша.

– А это ты. Чего тебе не спится, Новохацкий? – Кукольник был явно не рад гостю и не скрывал своего недовольства.

– Я на минуточку, – нерешительно произнес тот и сел на край кровати, но, подумав, что его не приглашали, резко вскочил.

- Да сиди, чего ты, – Нестор нахмурился и отвернулся.

Александр Новохацкий учился на класс ниже Кукольника. Они часто пересекались в коридорах гимназии, оба участвовали в театральных постановках и составлении рукописных журналов, но дружить не дружили. Очень уж Новохацкий был нескладен внешне и характером. Поговаривали, что отец его в войну 1812 года перешел на сторону французов и бежал вместе с ними из Москвы. Но это были не более чем слухи, сам о себе он почти ничего не рассказывал.

– Все только и говорят о беспорядках в гимназии, – сказал Александр после некоторой паузы.

- Да. Слишком много шума.

- Чем все это кончится, как ты думаешь?

– В худшем случае Белоусова сошлют в Вятку и Шапалинского вместе с ним, в лучшем удалят от должности. Самое обидное, что эти двое стоят всех профессоров гимназии. Не понимаю, как можно быть настолько близорукими и не видеть, что России нужны именно такие люди, смелые, свободные, не боящиеся перемен, а не выскочки, застрявшие по своему умственному развитию в рабовладельческом строе.

- А с чего ты взял, что России нужны перемены?

– С чего взял!? Да, оглянись вокруг. В сегодняшней стране нет справедливости. «Человек от рождения имеет право на справедливость», – так говорит Белоусов. А на деле? Тот, кто

стоит за правду, объявляется вне закона. Мой отец был таким человеком. Он многое хотел сделать на благо отечества, но ему не позволили эти ослы, которые и тени своей боятся, не то что справедливости.

– Ты хорошо говоришь.

– Хорошо говорят многие, а голову на плечах имеют не все.

Они замолчали. Только стрелки часов продолжали методично отмерять свои шаги.

– Я вот... хотел тебя попросить, – начал с нерешительностью Новохацкий и достал из кармана несколько исписанных размашистым почерком листков, – Я пишу стихи и... Может, ты согласишься. Мне просто нужно, чтобы кто-то меня рассудил. Ты ведь...

– Я посмотрю, – перебил Нестор и взял бумаги из рук Новохацкого, – только не сейчас. Уже поздно.

– Спасибо. Ты настоящий друг.

Александр направился к двери, но вдруг замялся:

– Нестор, а если я иногда буду показывать тебе свои стихи...

– Как хочешь. Приноси.

Новохацкий ушел. Казалось, Кукольник сразу же забыл о приходе незваного гостя и продолжил сочинять:

«Как оглянусь, мне кажется, я прожил
Какую-то большую эпопею,
Трагедию огромную я прожил.
День настает! Готовится развязка...».

Бесконечные рапорты и доносы делали свое дело. Шапалинского стали всерьез обвинять в сговоре с Белоусовым и требовать решительных действий. Отступить было некуда, и Казимир Варфоломеевич пошел на хитрость. Он обратился к законоучителю гимназии протоиерею Павлу Волинскому и передал ему для составления отзыва две тетради: одну с лекциями Белоусова, другую с лекциями Билевича. Шапалинский рассчитывал на беспомощность протоиерея, как человек далекого от естественного права и напроочь лишенного красноречия, и возлагал на него большие надежды.

Состоялась уже не конференция, а настоящий суд, на котором должен был прозвучать окончательный приговор. Присутствовали все профессора гимназии. Первым выступал Билевич. Он был на удивление спокоен и говорил с несвойственной ему торжественностью. Шапалинский сразу же обратил на это внимание. Дурное предчувствие овладело им.

– Многократно в своих рапортах я указывал на падение дисциплины и нравственности среди воспитанников гимназии и на попустительства со стороны инспектора. Также некоторыми моими коллегами были замечены проявления вольнодумства у ряда учеников, что, смею подозревать, стало результатом лекций, читаемых профессором Белоусовым. Как вам известно, уважаемые члены конференции, естественное право в стенах Нежинской гимназии предписано преподавать по системе Де Мартини, в то время как г-н младший профессор Белоусов делает это по своим записям, следуя философии Канта и Шада. Более того, 18 июня на экзамене в присутствии других профессоров, самого г-на Шапалинского и при многих учениках г-н Белоусов вступил в спор с экзаменатором, то есть мной, и стал отстаивать свою методику преподавания. Посудите сами, господа, какое влияние подобный человек может оказывать на молодые незрелые умы. По моему мнению, только тлетворное, – Билевич поклонился и сел на свое место.

Дали слово «обвиняемому».

– Уважаемые члены конференции, – начал Николай Григорьевич с присущей ему решительностью, – мне очень стыдно, что стараниями отдельных профессоров наша гимназия пре-

вратилась в базар, и мы сейчас разбираем эти склоки. Но на меня жестоко клеветают, и я вынужден защищаться. Г-н Билевич указал на падение дисциплины, но я утверждаю, что мне, наоборот, удалось добиться существенных успехов в ее укреплении и наведении порядка среди воспитанников. Должен отметить, что Михаил Васильевич склонен смешивать естественное право с политикой и другим посторонними вещами. Он говорит о якобы замеченных у учеников признаках вольнодумства и приписывает это моему влиянию, но данное обвинение не имеет под собой никаких оснований. Что касается самой методики преподавания, то я категорически отрицаю связь своего учения с системой Шада. Господин Билевич слышал, что бывший профессор Харьковского университета, где я имел честь учиться, г-н Шад был выслан за границу и на сегодняшний день его естественное право запрещено. Таким образом, смею предположить, что он упомянул его фамилию без понимания сути дела, а исключительно для большей убедительности. Повторюсь, в моих записях нет ничего общего с системой естественного права Иоганна Шада. Более того, я никогда не являлся ее сторонником. Как не являюсь сторонником многих утверждений Канта, о которых Михаил Васильевич, по всей видимости, также имеет смутное представление. У меня все, – Белоусов сел. Он был доволен собой и ждал реакции оппонента, которая не замедлила последовать.

– Уважаемые члены конференции, хочу предложить вам на рассмотрение записи лекций г-на Белоусова, принадлежащих ученикам 7-ого класса: пансионеру Александру Новохацкому и вольноприходящему Ефиму Филипченко, – Билевич передал в конференцию четыре тетради, – Я подробно разобрал содержание представленных тетрадей и не нашел в них упоминания об отношении человека к Богу, к самому себе, к ближнему, к семейственной жизни, что по сути является основным предметом естественного права. Но зато отыскал следующее, я думаю, вам будет интересно послушать.

Билевич открыл свои записи и раскашлялся для большей торжественности:

– «Если представитель государства подл и во зло использует вверенную ему от народа власть, то должно такого государя низвергнуть».

Послышались перешептывания. Белоусов вскочил с места:

– Неправда! Я никогда не говорил такого!

– Неожиданно, – произнес один из членов конференции.

– Эти записи подложные!

– Успокойтесь, г-н Белоусов. Мы во всем разберемся.

Шапалинский решил, что настало время пустить в ход последний козырь.

– Господа, – вмешался он, – Я думаю, следует предоставить слово протоиерею Павлу Волинскому. По моей просьбе он составил отзыв на записи по естественному праву г-на Белоусова и г-на Билевича. Надеюсь, это поможет нам хотя бы немного прояснить дело.

– Любопытно, – послышалось из зала.

Вышел Павел Волинский, прозванный учениками «батьюшкой». Он был маленького роста, полный и имел удивительно правильную округлую форму. Протоиерей долго не начал говорить, заметно волновался, кашлял, перебирал в руках бумаги, теребил свою длинную бороду, скрывавшую массивный нагрудный крест.

– Кхе-кхе. Мною были рассмотрены, понимаете, две тетради. Одна и вторая. Я давно уже читаю в гимназии катехизис и вообще как законоучитель, понимаете, должен сказать свое слово. Позвольте зачитать. Кхе-кхе. «В записях лекций г-на Белоусова имеются мысли и положения противные не только нравственности и религии, но и государственным постановлениям. Его учения это ничто иное, как „интеллигентская ересь“, разлагающая умы еще „неоперившихся“ юношей. Спрашиваете, откуда берутся декабристы? От нашего с вами попустительства. Мы закрываем глаза на вольнодумство в учебных заведениях, пока такие вот Белоусовы открыто призывают к бунту и свержению самодержавия. Мы должны быть жестче, господа, ибо от этого зависит будущее всего отечества. Таково мое мнение. Что касается записей г-на Билевича, то

в них я не нашел ничего двусмысленного или неясного, закону Божию или догматам церкви противного и с благочестием или правилами нравственности несовместного». Кхе-кхе.

Нельзя подобрать слов, чтобы описать чувства, которые в этот момент испытывал Шапалинский. Обыкновенный отчет, призванный сгладить острые углы, вдруг превратился в самый настоящий смертный приговор. Белоусов снова вскочил с места:

– Ложь! От первого до последнего слова!

– Г-н Белоусов, видите себя достойно, – строго произнес один из членов конференции.

– Господа, неужели вы сами не понимаете, что все подстроено.

– Успокойтесь.

– Нет, я не намерен участвовать в этом жалком спектакле разыгранным г-ном Билевичем, – Николай Григорьевич вышел из зала, громко хлопнув дверью.

Шапалинский схватился за голову, он никак не ожидал такого поворота событий. Война была с треском проиграна, но его ждал еще один удар.

– А что вам сказал г-н Шапалинский, передавая тетради? – со смаком спросил протоиерея Билевич.

– Ах, да, – воскликнул тот, – Казимир Варфоломеевич сказал, что, понимаете, не находит в них ничего противного религии. Таким образом, он как бы желал склонить меня на свою сторону и под покровом одобрения, понимаете, дать учению свободный ход к дальнейшему распространению.

В зале послышались разговоры. Конференция подходила к концу, но Шапалинский уже ничего не слышал, он в исступлении подскочил к Волынскому и оттащил его в сторону.

– Что вы делаете?! – запротестовал тот.

– Это я вас должен спросить, – зло глядел на него Шапалинский, – Я просил рассмотреть лекции на содержание в них положений противоречащих догматам церкви и не более того, а вы что натворили?

– Я, понимаете...

– Признайтесь, ведь отчет писали не вы, а г-н Билевич.

– Да... То есть, нет. Какая, собственно, разница! Пустите меня! – он хотел вырваться, но Шапалинский схватил его еще крепче.

– Я рассчитывал на вас, как на честного человека.

– Я составил отчет, понимаете. Я все сделал. Это мое мнение, мой отчет. Я...

– Задушить вас мало, – прошептал Казимир Варфоломеевич, он был явно не в себе.

– Что?! – вытаращил глаза Волынский, – Я на вас заявляю. Я напишу рапорт. Я это так не оставлю, понимаете, – он вырвался и поспешил скрыться.

«Суд» состоялся. Естественное право было решено снять с преподавания, а для дальнейшего разбирательства ждали нового директора гимназии коллежского советника Даниила Емельяновича Ясновского.

Даниил Емельянович был назначен на эту должность самим графом Александром Кушелевым-Безбородко еще в феврале, но прибыл в Нежин только осенью. В молодости секретарь самого графа Румянцева, жесткий и требовательный, он был полной противоположностью Ивана Семеновича Орлая. Ясновский сразу же собрал в своем кабинете профессоров и объявил план действий.

– Мне уже известно, что происходит в стенах гимназии. Остается прояснить следующее – начал он, – прежде всего, меня интересует, почему о беспорядках не было доложено в управление Харьковского учебного округа? Насколько я знаю, г-н Шапалинский, это была ваша обязанность.

– Я бы не назвал происходящее беспорядками, скорее недопонимание между профессорами.

– Недопонимание не становится делом государственной важности.

– Если это кому-то на руку, становится.

– Кто прав, а кто виноват, г-н Шапалинский, разбираться уже не вам. Мне доложили, что у гимназистов была изъята запрещенная литература, и она находится у вас, Николай Григорьевич?

– Да.

– Сегодня же передадите мне изъятые книги и бумаги. Теперь, по поводу...

– Я не буду этого делать, – перебил Белоусов.

– Что?!

– Я имею некоторые основания удерживать их у себя.

– Какие еще основания? – в недоумении воскликнул Ясновский.

– Веские.

– Да у вас тут балаган какой-то!

Наступила напряженная пауза.

– Г-н младший профессор Белоусов, вы главный обвиняемый по делу о вольнодумстве. Читали лекции по естественному праву в восьмых и девярых классах. Правильно я понимаю?

– Лекции читал, но виновным, да еще главным, себя не считаю.

– Объявляю, что отныне помимо профессоров и преподавателей к следствию привлекаются ученики старших классов. Приказываю изъять у них тетради и записи, касающиеся естественного права и передать мне. Я внимательно изучу собранный материал, после чего будет проведен допрос некоторых гимназистов. Вести допрос буду лично я.

Билевич не скрывал своего удовольствия.

– Стоит ли прибегать к крайним мерам, – не выдержал Шапалинский.

– Моя цель навести порядок, а для достижения цели все средства хороши. Это политика, Казимир Варфоломеевич, никаких личных интересов.

Дело близилось к развязке. В течение шести дней в присутствии всех членов конференции были допрошены девять учеников, среди которых Нестор Кукольник, Николай Гоголь-Ясновский и Александр Новохацкий.

– Г-н Кукольник, скажите, г-н Белоусов читал лекции по своим записям или по учебнику? – спросил Даниил Емельянович и, сложив руки за спиной, зашагал по залу.

– И по учебнику и по записям.

– А в основном?

– В основном не знаю. Не обращал внимания, – безразлично ответил Нестор.

– А может быть, вы все-таки припомните, – вмешался Билевич.

– Бесполезно, у меня память плохая.

– Г-н Кукольник, я думаю, вам следует быть посговорчивее. У нас есть все основания обвинять вас в вольнодумстве. Взгляните-ка, что нам любезно предоставил профессор Моисеев, – Ясновский протянул Нестору лист бумаги, – Узнаете? Это ваше письмо к Николаю Прокоповичу от 29 июля 1825 года с загадочной подписью РБШ.

– Я почти уверен, что речь идет о некоем братстве, – заявил Билевич.

– Все намного проще. РБШ расшифровывается, как Разбойнику Билевичу шиш!

– У вас хорошее чувство юмора, молодой человек, – Ясновский подошел к столу и стал рассматривать лежавшие на нем книги.

– При обыске в ящике вашего письменного стола были обнаружены философские труды Канта и Монтескье. Вы не могли не знать, что в стенах гимназии подобная литература недопустима.

– «Nititur in vetitium semper, cupimusque negata.» Мы всегда стремимся к запретному и желаем недозволенного.

– Овидий, – заметил Ясновский.

– Человек от природы наделен разумом, чем и отличается от животного. Поэтому необходимо этот разум применять и всесторонне развивать. Тот же, кто этого не делает, не дальше ушел от свиньи или, например, курицы.

– Латынь вы знаете. Логически рассуждать тоже умеете. А вы мне нравитесь, г-н Кукольник.

– Благодарю.

– А какие стихи пишет, – вмешался Билевич, явно недовольный тем, что Нестор расположил к себе Ясновского, – зачитал бы все, да, к сожалению, у нас не литературный кружок, поэтому остановлюсь на следующем:

«О боже, коли ты еси,
Всех царей с грязью меси,
Мишу, Машу, Колю и Сашу
На кол посади».

– Это не мое! Это гимназиста Новохацкого, – воскликнул Нестор, – Он часто отдает мне свои стихи. Два дня назад он передал мне несколько листков, и я не успел их прочесть.

– Вы утверждаете? – настороженно спросил Ясновский.

– Да, да. Честное слово.

– Пригласите сюда Новохацкого, – скомандовал Даниил Емельянович.

В зал вошел Александр, он был заметно встревожен.

– Г-н Кукольник утверждает, что два дня назад вы передали ему свои стихи, это правда? Новохацкий окинул взглядом всех присутствующих и виновато опустил глаза:

– Нет, я не передавал ему своих стихов, – заикаясь, ответил он.

– Зачем ты врешь? Ведь ты...

– Помолчите, г-н Кукольник, – огрызнулся Билевич.

– Не передавали? – переспросил Ясновский.

– Нет, – повторил Новохацкий.

– Вы свободны.

Новохацкий ушел.

– Да, он просто трус. Жалкий трус и обманщик.

– Я склонен вам верить, г-н Кукольник.

– Зря вы так лояльно относитесь к этому юноше, Даниил Емельянович, – не отступал Билевич, – Его отец вольнодумец.

– Не смейте так говорить о моем отце.

– Я ведь был близким другом покойного Василия Григорьевича Кукольника.

– Неправда. Вы всегда искали повода оклеветать его.

– Он был хорошим человеком, но потерял разум. Бедняга сошел с ума. Помешался на идеях свободы, равенства и братства.

– Гнусная ложь!

– Дошло даже до того, что он стал замышлять бунт и хотел покуситься на самого...

– Подлец! – Нестор порывисто вскочил с места и ударил Билевича по лицу.

– Сын своего отца, – отчеканил Билевич, краснея. Он провел рукой по разбитой губе и потянулся в карман за платком.

– Допрос окончен, – огласил Ясновский.

Эпизод с пощечиной обернулся большим скандалом. Кукольника решено было наказать по всей строгости. Заступаться за него приехал старший брат, Павел Васильевич, но смягчить «приговор» не сумел. Указом Ясновского Нестор был лишен золотой медали, гражданского чина XII класса, а вместо аттестата получил лишь справку о прослушивании курса. Настало время снова возвращаться в Вильну. Роскошный парк, окружавший гимназию, постепенно скрылся из вида. Нежин, вместе со своими горестями и радостями, уходил в прошлое. О том, что ждет впереди, Нестор не думал. Но чем дальше уносился экипаж, тем сильнее его сердце трепетало от предчувствия чего-то нового и неизведанного. Дорога, такая же извилистая, как и судьба человека, вела его во взрослую жизнь, предрекая крутые повороты, ухабы, подъемы и падения.

Часть вторая

Карл Брюллов «Портрет писателя Н.В.Кукольника», 1836 год

«Сумароков действовал и умер бездарным разумником, а Кукольник и живет и умрет даровитым глупцом».

Т.Н.Грановский, историк

«Кукольника оценят потомки!»

Н.В.Кукольник о себе

I

В Вильне Кукольник занялся преподаванием русской словесности в одной из местных гимназии, и на основе приобретенного опыта сумел составить и издать практический курс русской грамматики на польском языке. Неутомимый и упорный, он сразу обратил на себя внимание начальства и даже удостоился благодарности от самого великого князя Константина. Трудился Нестор не только на общественном поприще, но и на литературном. Мечтая о славе поэта, он написал заново отобранную у него в гимназии драму «Торквато Тассо», посвященную великому итальянскому поэту XVI века. Но судьбе было неугодно, чтобы Кукольник связал свою жизнь с Вильной. В конце ноября 1830 года вспыхнуло польское восстание, и через несколько месяцев восторженный и полный надежд Нестор вместе со своим братом Платоном отправился искать счастья в Петербург, город счастливого и беззаботного детства. Здесь юного поэта ждало первое испытание. Его драма «Тартини», проданная за бесценок, вскоре появилась на театральных афишах, но автором значился вовсе не он, а совсем другой человек. Отчаиваться было не в его правилах. Кукольник сразу же взялся за написание новой драмы. Денег не хватало, приходилось зарабатывать на жизнь. В качестве секретаря комиссии по учреждению Медико-хирургической академии он был вынужден ненадолго покинуть столицу. Вернувшись уже с оконченной пьесой, Нестор отправился напрямик в Александринский театр.

Заведующим репертуаром русской драматической труппы императорских театров на тот момент был Рафаил Михайлович Зотов, романист, драматург и театральный критик. Семнадцатилетним юношей он отличился в Отечественной войне 1812 года, принимал участие в сражении под Полоцком, где получил тяжелое ранение. Зотов был настоящим человеком чести, ставящим гражданские интересы выше личных.

– Нестор Васильевич, – он нахмурился, – я прочитал вашу пьесу «Рука Всевышнего Отечество спасла» и вынужден вас огорчить: она нам не подходит.

– Но почему? – воскликнул Нестор, доселе уверенный в своем успехе.

– Талант у вас определенно есть, г-н Кукольник, – Рафаил Михайлович не любил отказывать, но понимал, что это было неотъемлемой частью его работы, – Драма написана свежо. Все дело в том, что я слишком хорошо знаю сегодняшнего зрителя. Поймите, ему нужны легкие комедии, водевили, не требующие большого эмоционального и умственного напряжения. А у вас я нахожу множество длинных грузных монологов, пусть и нелишенных смысла. Только представьте, если на зрителя, уже привыкшего и ожидающего юмора, песен и танцев, вдруг обрушится поток, а у вас не просто поток, а я бы сказал целая лавина слов и мыслей, он просто-напросто заснет.

– Вы говорите о зрителях, как об однородной массе. Но ведь в театре собираются люди разных слоев общества, разных поколений и вкусы у них тоже разные.

– Г-н Кукольник, поверьте моему опыту. Ваша драма не выдержит ни одного представления. Ее ждет полный провал. Вас постигнет разочарование, а нас бессмысленная трата казенных средств.

– А если я откажусь от вознаграждения, – не терял надежды Нестор.

– Бесполезно.

– Я не понимаю, Рафаил Михайлович, почему вы не хотите пойти на риск. А если люди устали от водевилей, если они хотят чего-то нового. Разве театр не должен меняться.

– Театр никому ничего не должен, г-н Кукольник. Мы существуем за казенный счет, и не стоит об этом забывать. Вы все приходите к нам со своими драмами, трагедиями, комедиями и требуете, чтобы мы их ставили и никому не отказывали. А чтобы поставить пьесу, нужны деньги и немалые. Печатного станка своего, к сожалению, у нас нет. Сколько нам из казны положено средств, столько нам и выделяют. А дальше как хотите, так и живите.

– Что же мне делать?!

– Не знаю, – Зотов глубоко вздохнул, – Напишите комедию. Вот уже не первый год на сцене нашего театра с аншлагом идет пьеса Александра Грибоедова «Притворная неверность». Милый перевод с французского. Непринужденно и весело. Искусство оно вообще должно быть для зрителя, а не зритель для искусства. Так что поверьте моему слову, «Рука Всевышнего Отечество спасла» успеха иметь не будет.

– Вы ошибаетесь, Рафаил Михайлович. Я не отступлюсь и докажу обратное.

– Все так говорят, г-н Кукольник.

Нестор был сам не свой. Он не спеша вышел из театра и побрел по заснеженному тротуару. Стоял ноябрь. Ледяной ветер беспощадно дул в лицо и раздувал полы его пальто. В какой-то момент он не успел придержать цилиндр, и тот, слетев с головы, покатился по улице. Нестор настиг его у самых дверей театра. Раздосадованный еще больше, он хотел было идти, как вдруг двери отворились, и из них «выпорхнули» две укутанные в шубы «пташки»:

– Мари, – «защебетала» одна, – ты слышала, у Каратыгиных завтра вечер. Я непременно буду. Как раз надену свое новое платье с розовым бантом. Оно так чудно шуршит. Пьер говорит, что не поедет, но я его уговорю. Он у меня такой душка.

– Charmant¹, – подхватила другая. – Говорят, у Каратыгиных обычно собирается весь свет.

– Да, кого там только не встретишь.

Кукольник взволнованно поглядел им вслед.

Вечером следующего дня сани резво несли его по мостовой. Мимо мелькали желтые фонари, вторя своим свечением далеким звездам, которые от мороза казались еще ярче и прекраснее. Прохожие сутулились, поднимали воротники и дышали белым паром. «Я – чиновник канцелярии Министерства Финансов лезу в чужой дом, не имея ни приглашения, ни знакомств. Да меня сейчас выставят за дверь, и дело с концом», – крутилось в голове у Нестора.

– Эй, извозчик, останови, – крикнул он.

– Чего изволите, барин? – извозчик натянул поводья.

– Поворачивай.

– Так приехали почти.

– Поворачивай, говорю.

– Как скажите.

Проехав с полверсты, Кукольник снова приказал остановиться, вышел из саней, машинально сунул извозчику деньги и пошел пешком.

– Вот чудак, – извозчик покачал головой и спрятал целковый в карман.

С противоположной стороны улицы было видно, как к подъезду дома Каратыгиных то и дело подъезжали экипажи, из которых выходили господа, одетые по последней моде, и дамы, укутанные в дорогие меха. Набравшись смелости, Кукольник стремительно перешел дорогу и вошел в сени. Толстый швейцар преградил ему дорогу:

– Вы приглашены? – спросил он.

– Я Кукольник, – произнес Нестор, но от сильного волнения дыханье его перехватило так, что он больше ничего не смог выговорить.

Швейцар поглядел на него с укоризной и воскликнул:

– Сколько можно повторять, артисты кукольного театра проходят через черный вход.

Нестор опешил.

– Ну что вы стоите как вкопанные. Не мешайтесь здесь, – злился швейцар.

Не веря своему счастью, Кукольник вбежал по черной лестнице наверх и очутился в просторном зале. В шумной толпе на него никто не обратил внимания. Он стал оглядываться по сторонам и в какой-то момент взгляд его упал на мужчину, стоявшего у большого белого камина. Это был блистательный актер Александринского театра Василий Андреевич Каратыгин, которому рукоплескал весь Петербург, и перед талантом которого преклонялся сам император Николай I. В его громадной фигуре было что-то монументальное, он держался прямо с чувством собственного достоинства. Не раздумывая ни секунды, Нестор подошел к нему.

– Добрый вечер, Василий Андреевич.

– Добрый вечер, – Каратыгин окинул Кукольника равнодушным взглядом, – Что-то я вас не припомню. Вы приглашены?

– Нет.

– Нет?! Почему тогда швейцар пропустил вас?

– Я назвался Кукольником, и меня приняли за артиста кукольного театра. А Кукольник – это моя фамилия.

– Поклонник?

– Нет. В смысле – да. Дело в том, что я написал драму и хотел бы попросить вас ее прочесть, – Нестор протянул Каратыгину пьесу.

---

¹ Очаровательно (фр.)

- Отдайте ее в театр г-ну Зотову, он прочтет.
- Я уже был у г-на Зотова, но получил отказ.
- Тогда ничем не могу вам помочь, г-н...
- Кукольник.
- У меня совершенно нет времени.
- Василий Андреевич, я в отчаянии. Поймите меня.
- А вы меня.

Каратыгин хотел уйти, но тут к ним «подлетела» удивительной красоты молодая женщина, одетая на французский манер. Ее черные кудрявые волосы были собраны наверх и только несколько локонов кокетливо и чуть небрежно спускались до плеч. Это была Александра Михайловна Каратыгина, жена Василия Андреевича, тоже актриса.

– De quoi parlez vous?², – спросила она, поглядев сначала на мужа, а потом на Кукольника в лорнет.

– Это г-н Кукольник. Он предлагает мне прочесть свою пьесу.

– Пьесу!? C'est intéressant!³ А о чем она? – Александра Михайловна была крайне воодушевлена.

– Об освобождении Москвы Мининым и Пожарским, – поспешил ответить Нестор.

– Parfait!⁴ Ты же любишь герроические темы, mon cher. Почему ты отказываешься?

– Но у меня...

– Вздоррр, – сильно картавя, перебила она мужа, – Ты можешь сыгрррать Пожарррского.

Ведь ты всегда мечтал?

– Я думаю...

– А я думаю, что ее можно будет поставить в твой бенефис. Comment?⁵

– Но...

– Никаких но. Тебе пррросто необходимо прррочесть. Этот как прраз твоe амплуа.

– Когда...

– Вот именно, когда тебе еще пррредложат такую прроль. Pourquoi gardes-tu le silence, mon cher?⁶

– Хорошо, я прочту, – Каратыгин взял пьесу.

– Monsieur⁷..., – обратилась Александра Михайловна к Нестору.

– Кукольник.

– Oui. Oui. Excusez-moi. La soirée est admirable, n'est pas, monsieur Kukolnik?⁸ Голова кругом идет. А как вы попали сюда? Мне кажется, вы не пррриглашены, – затараторила Каратыгина.

И Кукольник снова рассказал свою удивительную историю.

Целых две недели Нестор с замиранием сердца ожидал вердикта Каратыгиных, который должен был решить его дальнейшую судьбу. И вот в воскресенье он наконец-то получил письмо:

«Уважаемый г-н Кукольник

Я прочитал вашу драму «Рука Всевышнего Отечества спасла» и нашел, что ее патристические мотивы близки мне по духу. По совету дражайшей супруги я берусь поставить ее

---

² О чем вы говорите? (фр.)

³ Интересно! (фр.)

⁴ Прекрасно! (фр.)

⁵ Ну как? (фр.)

⁶ Почему ты молчишь, дорогой? (фр.)

⁷ Господин (фр.)

⁸ Да. Да. Извините. Вечер удивительный, не правда ли, г-н Кукольник? (фр.)

в свой бенефис, хотя признаюсь: риск очень велик. В самой драме я намерен исполнить роль Дмитрия Пожарского, так как моя дражайшая супруга утверждает, что роли освободителей мне удаются лучше всего.

P.S. Je suis d'accord avec mon mari.⁹

В.А и А. М. Каратыгины»

Премьера спектакля состоялась 15 января 1834 года. Сановники, генералы, творческая интеллигенция и благородные семейства наполнили ложи и кресла Александринского театра в этот вечер. Бенефис Каратыгина стал поистине самым главным событием столичной жизни.

Раздался второй звонок.

– Что будет? Такие люди собрались! – в отчаянии воскликнул Зотов, сидевший по левую руку от Кукольника, – Как Василий Андреевич мог решиться поставить вашу пьесу в свой бенефис, ума не приложу. Это же чистой воды сумасбродство, – он поглядел в партер, – Видите вон того человека в третьем ряду. Узнаете?

– Конечно, это Александр Христофорович Бенкендорф, – спокойно ответил Кукольник.

– Шеф тайной полиции.

– Можете не объяснять, я еще с гимназии нахожусь под надзором Третьего отделения, которое он возглавляет.

Зотов с удивлением покосился на Нестора:

– Чем больше я узнаю людей, тем меньше мне хочется о них знать. Мда, чую светит мне Петропавловская крепость.

– Не преувеличивайте. Драма получила одобрение цензурного комитета. Если и есть к чему придаться, так это к скудным декорациям.

– Вы прекрасно знаете, за чей счет существует наш театр... – Зотов примолк.

В центральной ложе показался император Николай I с женой Александрой Федоровной и другими членами царской фамилии. Публика оживилась и поднялась со своих мест.

– Остается надеяться на г-на Каратыгина, – Рафаил Михайлович окинул взглядом полный зал.

– Или на руку Всевышнего, – добавил Кукольник.

Раздался третий звонок. Все уселись. Свет погас и поднялся тяжелый занавес. В этот вечер Каратыгин блистал как никогда. Каждый его жест, каждое движение были тщательно выработаны и отточены. Со сцены звучали длинные монологи, патриотические призывы и прославление Руси и русского народа. В пятом акте Москва была спасена, поляки повержены.

Пожарский

*Свершилось! Бог благословил отчизну!
Царь Михаил, помазанный от века,
Приемлет Русь в родительские руки —
И благо ей!... Но что со мной, Всесильный!
Какая радость по сердцу разлилась!
Какая тьма объемлет всю Палату,
А небеса в сиянии раскрылись!
Внемлите! Глас, не мой ничтожный глас,
Но свыше Глас из уст моих стремится!
Воскресла Русь! Гремят колокола!*

⁹ С мужем согласна (фр.)

Спектакль завершился, но аплодисментов не последовало. Зрители притихли, ожидая реакции императора. Николай I встал и зааплодировал, зал утонул в овациях. Голова Кукольника «закружилась». На следующий день поэта пригласили в Зимний дворец, где государь пожаловал ему золотой перстень и личным указом повелел выделить дополнительные средства на новые декорации. По слухам сумма доходила до 40 тысяч рублей! В одночасье перед Нестором распахнулись двери богатых домов, клубов и литературных салонов. Он сблизился с поэтом Василием Жуковским, меломаном Сергеем Голицыным, композитором Михаилом Глинкой и многими другими.

– Ты знаком с Пушкиным? – спросил его Михаил Иванович на обеде у знаменитой столичной красавицы Россет-Смирновой.

– Увы, всего лишь мельком.

– Пойдем. Александр Сергеевич премилый человек. Я уверен, вы обязательно подружитесь.

Пушкин скучал в самом углу зала и по обыкновению грыз яблоко. Глинка сошелся с ним, когда учился в Благородном пансионе при Санкт-Петербургском университете. Туда двадцатилетний поэт приходил навестить своего младшего брата Льва, одноклассника Михаила.

– Александр Сергеевич, позвольте представить вам поэта Нестора Кукольника.

– Мне, кажется, мы уже виделись однажды...

– Да, у князя Николая Трубецкого, – подтвердил Кукольник, сдерживая волнение, – Для меня знакомство с вами огромная честь. В гимназии мы все зачитывались вашими стихами.

– А я так и не дочитал вашего «Торквато Тассо».

– А как вам «Рука Всевышнего»? – поинтересовался Глинка.

– Ну, знатная вещица. «Отечество спасла. Поэту ход дала. И Полевого задушила».

– Полевой со своим журналом давно переходил рамки дозволенного, – посетовал Михаил Иванович.

– Согласен. «Московский Телеграф» был достоин закрытия. Так что, г-н Кукольник, не беспокойтесь, вы обязательно войдете в историю тем, что заткнули глотку самому злостному критику.

Речь шла о журнале братьев Полевых, который был закрыт сразу после появления в нем разгромной статьи в адрес Кукольника и его новоявленной пьесы.

– Я сейчас работаю над новой драмой и хотел просить вашего совета, – начал Нестор.

– Сожгите ее, – без раздумья ответил Пушкин.

– Что?..

– Ну, вы же хотели моего совета. Так вот. Бросьте вашу новую драму в огонь и больше ничего не пишите.

– Александр Сергеевич шутит, – Глинка попытался смягчить разговор.

– Отнюдь. Поверьте мне, молодой человек, литература далеко не единственное поприще, на котором можно прославиться. Да и не самое выгодное.

Кукольник вспыхнул, хотел что-то сказать, но вместо этого молча поклонился и отошел в сторону.

– Зачем вы так. Нестор – талантливый поэт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.